

3

— Дима!.. Дима, не беги так... Это же невозможно — слышишь? — разговаривать на такой скорости...

— О чём тут разговаривать?

— Но ведь я предупреждала тебя вчера, что задержусь... Потому что у нас спектакль — предупреждала? Что ж тут обижаться?

— Никто не обижается.

— Я играла Лизу... в «Горе от ума»... Знаешь, как мне хлопали! А тебя что, дежурные не пустили?

— Вот ещё, выдумала. Да если б я захотел...

— Ага, ага! Значит, сам не захотел... И представляешь, я в одном месте ужасно перепутала. Там, где «хоть я любви сама до смерти трушу, но как не полюбить буфетчика...» — и я вместо «Петрушу» говорю «Лаврушу». Ужас! А потом...

— Вот-вот, расскажи про «потом».

— Про когда?

— Про после спектакля. Мы же договаривались — в девять идём на каток. Скажешь, тоже перепутала?

Димон, не оборачиваясь, выбрасывал слова, и каждое вылетало вместе с белым клубочком пара — направо, налево — точь-в-точь фрегат, ведущий огонь с обоих

бортов. Лыжи его ритмично стучали о наст лесной просеки. Стеша изо всех сил старалась не отставать.

— Но ведь я ждала тебя в зале. Я же не виновата, что дежурные не пустили... Конечно, это был вечер старшеклассников, кого хотят, того пускают... Я сама прошла через кулисы... А потом было неудобно так сразу уйти... Мы же все вместе, у нас коллектив...

— Коллектив? Севка Зябликов — вот весь ваш коллектив. Тоже мне, Чацкий из восьмого «б»!

— Димонище, это нечестно!

— Очень даже честно.

— При чём здесь Зябликов?

— А при том.

— Я с ним даже не разговаривала.

— Зато танцевала.

— Ну и что ж такого?.. Он меня пригласил, а я...

— А ты и растаяла. Конечно, восьмой класс! Артист! Да я бы этому артисту...

— Эге-гей! Ребята-а! — донеслось до них сзади.

Давно уже у них не случалось такого увлекательного выяснения отношений. Жалко было бросать. Они нехотя остановились и посмотрели назад вдоль бело-зелёных еловых стен. Там вдалеке Лавруша, выйдя на середину просеки, держал над головой лыжные палки крест-накрест.

— Ну, всё, — сказал Димон. — Чуюло моё сердце.

Скрещённые палки на их языке означали: «Что-то случилось, все сюда».

Они повернули и быстро пошли назад по собственному следу. Среди лыж, воткнутых в снег, виднелся Лавруша. Он нагнулся над лежащим Килей и что-то делал с его задранной к небу ногой.

— Как его угораздило? — спросил Димон, подъезжая. — Ведь ни одной горки не было. Обо что он споткнулся? Сам о себя?

— Там корень через лыжню. Натянут, как верёвка, а сверху снег. Мы все проехали, снег содрали, вот он и зацепился.

— Ну, Кия, присваиваю тебе новый титул. Теперь ты не счастливчик-бомбометатель, а лыжник-пень-колода-корчеватель. Болит-то где? Здесь? Сильно?

Киля лежал на спине и смотрел на них таким виноватым взглядом, будто его поймали на каком-то некрасивом жульничестве. Лицо его было мокро от тающего снега.

— Ребята, ну что вы стоите? — сказала Стеша, отбирая у Лавруши Килину ногу. — Надо же костёр. Быстро.

Пока они скидывали рюкзаки, доставали растопку, топорик и спички, раздували костерок, она расшнуровала и стащила с Кили ботинок, потом носок, потом ещё один, потом ещё...

— Сколько их у тебя?

— А все, сколько было, — смущённо ответил Киля.

Стеша наконец стянула последний, осмотрела вспухшую лодыжку, покусала губу, нажала там, здесь — Киля терпел, — но когда она начала бинтовать, не удержался — пискнул.

— Димон, — жалобно позвала Стеша. — Помоги. Надо потуже, а он пищит.

— Чуть что — сразу Димон, да? Самый жестокий, самый безжалостный...

— А вот и нет. Просто у тебя характер твёрдый. Ну, Дима, пожалуйста.

Димон пожал плечами, стянул рукавицы, взялся за конец бинта, сделал страшное лицо... Киля зажмурился и открыл глаза, только когда всё было кончено — носки и ботинок надеты поверх повязки.

— А я и не почувствовал ничего, — протянул он с изумлением.

— Пока на спине лежишь, конечно, не почувствуешь. А ты попробуй встать на ноги. Ну что? Идти сможешь?

— Запросто. — Киля попытался даже притопнуть забинтованной ногой. — Хоть двадцать километров.

Но его бодрости хватило ненадолго.

Димон, тащившийся теперь последним, видел, как он хромает всё сильнее и сильнее, как повисает всем телом на палках. Через полчаса Киля приостановился, будто бы поправить крепление, и на минуту мелькнуло его лицо, мокрое уже не от снега, а от слёз.

Пришлось снова делать привал.

Лавруша извлёк свой ремонтный мешочек — кусачки, проволока, шурупы, шпагат, отвёртка, изолента, плоскогубцы, гвозди, остальное — непонятно что — и принялся сколачивать Килины лыжи в одну широкую лыжину с площадкой из двух досок посредине. На площадку они привязали самый большой рюкзак так, чтобы Киля мог усесться как пассажир.

Эти самодельные нарты, эта санитарная упряжка была уже почти готова, когда Лавруша, рывшийся в своём мешочке среди непонятно чего, проворчал, что, может быть, ему наконец дадут возможность закончить работу, перестанут толпиться кругом и заслонять свет.

— Какой свет? Кто тебе... — начал было Димон и осёкся. Действительно, стало очень темно. Хотя часы показывали всего два—начало третьего.

Они подняли головы и тут-то наконец заметили её.

Тучу.

Гигантскую.

Чёрную.

Затянувшую почти всё небо — только в конце просеки виднелась светлая полоска.

Ни слова не говоря, они поспешно посадили Килю (как тот ни упирался) на рюкзак, застегнули крепления и пошли вперёд. Густой снег, будто только ждавший сигнала, повалил на них — стало ещё темнее. Вскоре лыжи начали зарываться, исчезать на каждом шагу, как подводные (подснежные?) лодки. Согнутая спина Димона, тащившего Килю на буксире, сам Киля, его плечи, шапка, рюкзак — всё покрылось толстой белой подушкой. Первый же порыв ветра пылью раздул её в стороны, понёс обратно вверх, бросил в лицо. Верхушки елей нагнулись все в одну сторону, от них пошёл ровный шум.

— Димон! — прокричала Стеша. — Может, вернёмся? Пока не поздно.

Димон остановился на минуту и оглянулся назад.

— Не-е... Назад ещё дальше. Нам бы только поле проскочить, а там...

Они прошли ещё сотню метров — просека кончилась. Дальше дорога шла через открытое место. Но никакой дороги, в сущности, уже не было. Еле заметная впадина ещё некоторое время указывала им направление, потом и она растворилась среди сугробов.

— Лавруша-а-а! — крикнул Димон. — Правее забирай... На сопку-у!

— Её не видно-о-о! — донеслось спереди. — Как в мо-
локе...

Дальше они брели наугад.

Ветер со свистом налетал на них сбоку, давил, тол-
кал, залеплял глаза снегом. Стеше иногда казалось, что
на этот уплотнившийся воздух можно облокотиться,
как на стенку. Но стоило поддаться этому впечатлению,
как ветер коварно менял направление, опора исчезала,
и она чуть не падала. Лавруша тащился впереди, упрямо
согнувшись, прокладывал лыжню. Не было видно ни соп-
ки впереди, ни полосы кустов, от которых следовало сво-
рачивать, ни леса, оставшегося позади. Пальто, свитер,
вся одежда, казавшаяся раньше такой плотной и тёплой,
сделалась как будто вдвое тоньше. Струйки холодного
воздуха насквозь прокалывали её сотнями иголок.

— Стой! — завопил вдруг Киля. — Нашёл! Сюда! Чуть
не проехали. Вон — смотрите.

Отворачивая лицо от ветра, они столпились вокруг
него, вгляделись в то место, куда он в возбуждении ты-
кал варешкой, и тут же испустили радостный вопль.

Коля!

Свежая тракторная колея, едва занесённая снегом!
Они чуть не проскочили её в темноте.

Киля, от радости забыв про больную ногу, привстал
на своих «нартах» и, дёргая то одного, то другого, с си-
яющими глазами принимал град похвал и новых про-
звищ: тракторный следопыт, открыватель дорог, провод-
ник на прицепе, одноногий спасатель.

И действительно, по колее лыжи пошли гораздо легче.

Правда, она вела не совсем в ту сторону, куда, как им казалось, следовало идти. Но не могло же быть, чтобы трактор отправился в тайгу просто так, на прогулку. Даже если он ехал не к ним в Зипуны, то куда? Конечно, к какому-нибудь человеческому жилью, где тракторист смог бы отдохнуть и обогреться. И прошёл он совсем недавно — выпавший снег едва покрывал отпечатки гусеничных траков. Нет, надо идти и идти по этой невесть откуда свалившейся на них тракторной тропе. Куда-нибудь ведь она должна привести!

Через полчаса Лавруша сменил Димона в «упряжке», потом они поменялись снова, потом — ещё раз.

Кругом было всё так же черно и мутно.

Ветер по-прежнему давил на них, как плотная и холодная резина, обтягивал лицо, грудь, ноги. По изменившемуся шуму они догадались, что кругом опять лес, хотя самих деревьев не было видно. Закоченевшими пальцами Димон нащупал фонарик и осветил на часы. Обе стрелки, вытянувшись в прямую линию, делили циферблат пополам: шесть. Если бы невидимый трактор ехал в Зипуны, они давно должны были быть дома. А раз ни Зипунов, ни другой деревни не видно, значит...

Он решил пока не говорить остальным, но они и сами уже всё поняли. Им доводилось, конечно, слушать рассказы взрослых о людях, заблудившихся зимой в тайге,

но истории эти казались тогда какими-то далёкими, вроде приключений из книжки. И всегда думалось: что ж он компас не взял? Или: надо было ему зарубки делать на деревьях, чтобы не возвращаться на то же место. Или: вырыл бы себе в снегу пещеру и переждал.

Что *такое* может случиться и с ними — это как-то не укладывалось в голове.

Но вот оно случилось, и все спасительные планы, выглядевшие такими простыми у тёплого печного бока, оказались совершенно непригодными, когда кругом свистящая чернота, пальцы ног и рук будто уже отвалились — не чувствуются, плечи разламываются, колени не сгибаются... И единственная ниточка, связывающая тебя с миром людей и теплоты, — неверная колея, ведущая неизвестно куда, — и та постепенно исчезает под падающим снегом.

Через час они сбились в кучку и съели всё, что у них нашлось: булочку от завтрака, Стешину плитку шоколада и пригоршню семечек, которую Лавруша вёз своему ручному хомяку.

Разговаривать не хотелось.

Только Киля время от времени бормотал себе под нос: «Ох, из-за меня это всё, верно вам говорю, из-за меня, бросьте вы меня здесь, может, утром кто проедет и подберёт». На него шикали, просили «не травить душу».

Дальше шли, не глядя на часы, не глядя по сторонам, почти механически.

Они уже были в том состоянии, когда даже думать не остаётся сил. Только вслушиваешься в то, что происходит внутри, в нитьё и жалобы всех мышц.

«Куда! Куда вы снова взвалили на меня эту тяжесть, — будто восклицает левая нога. — Уберите её немедленно! Я не выдержу».

И ты послушно убираешь, переносишь вес тела на правую, но и правая тут же начинает вопить, чтоб убрали, что она не железная, что хватит! И тогда переносишь на руки, повисаешь на ходу на палках, давая короткую передышку ногам. И снова: на левую, на правую, на руки. На левую... На правую... На руки...

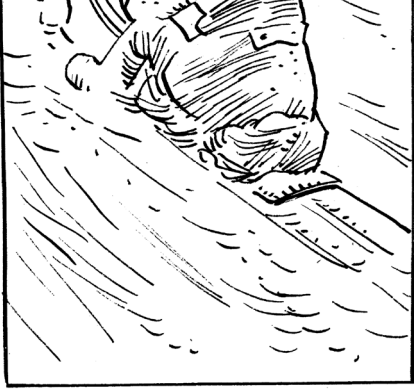
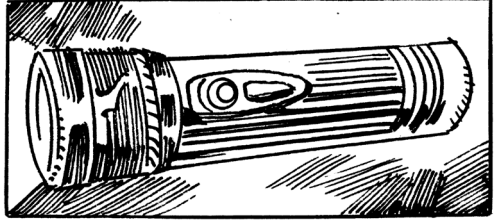
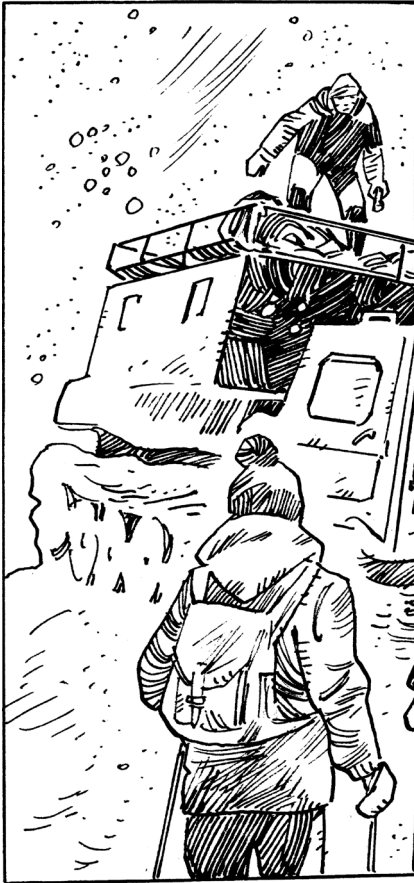
И поверить невозможно, что где-то люди сидят в светлых комнатах. И от батарей пышет таким жаром, что кто-то может сказать: «Ух, жара!» — и стянуть свитер через голову. Что в интернатской спальне рядами стоят кровати под синими одеялами. Такие кровати, что поваляться бы на них и лежать, лежать... То-то блаженство!

А какие мягкие кресла расставлены внизу в вестибюле.

А как хорошо в зале!

Там сейчас, наверно, сдвинули ёлку в сторону, чтоб не мешала показывать кино, и можно было бы усестыся в ряду за проходом и сидеть, расслабившись, никуда не брести, не сжиматься от холода, не нащупывать онемевшими ногами узкую полоску твёрдой колеи, которая...

Лавруша, шедший впереди, едва успел затормозить.

Лыжи его проехали немного по инерции и упёрлись в какую-то тёмную громаду, выросшую внезапно из снежной свистопляски.

— Ребята! — завопил он что было сил. — Скорее! Здесь трактор! Я чуть не врезался.

Но нет, на трактор это было мало похоже.

Скорее, на танк. Только без башни и без пушки.

Остальные бросились вперёд так, будто спешили на поезд, который мог вот-вот уйти.

— Вездеход! Ясное дело, это вездеход! — прокричал подоспевший Димон.

Он сбросил с плеча буксирную верёвку, отстегнул лыжи и взобрался на левую гусеницу. Луч фонарика скользнул по заснеженным стёклам кабины, лязгнула железная дверца.

Трое внизу ждали затаив дыхание.

Потом светлое пятно появилось снова — и до них донёсся упавший голос Димона:

— Никого... Пусто.

Тут же ветер, будто набрав новые силы, завыл ещё громче, ещё гуще наполнился снегом и понёс его засыпать, сглаживать, топить цепочку оставленных ими следов.

4

– Но не мог же он сам! Сам заехать сюда.

– Почему не мог? А если он с телеводителем? Управляется по радио – очень просто. Телекамера показывает, *что* впереди, перед фарами; оператор сидит себе за сто километров у пульта и управляет. Как луноход – видала?

– А где же у него телекамера? Или этот... телеводитель? Ну, где?

– Не знаю. Может, вот здесь?

– Не-е, это ящик для инструментов.

– Лавруша, попробуй всё же, нажми какую-нибудь педаль.

– Ты что?

– Мотороллер же ты умеешь водить.

– Сравнил тоже.

– Вездеход, конечно, труднее, зато правил никаких не нужно. Развернулся бы и пошёл-поехал.

– Говорят тебе – мотор не завести. Зажигание – вот оно, а ключа нет.

– Да, хорошо бы на таком въехать в деревню. Шикарно.

– Перестаньте. Если все начнут разъезжать на оставленных вездеходах, знаете, что получится?

Киля вдруг засопел, потянулся вниз, просунул руку между сиденьем и дверцей и поднял с пола какой-то предмет. В луче фонаря мелькнули крупно напечатанные цифры: 1877.

— Что ты мне тычешь? — спросил Димон. — Сигарет не видел? Обыкновенная пачка «Шипки».

— А ты? — Лавруша протянул к пачке руку. — Ты видел когда-нибудь курящего телеводителя?

Ребята затихли.

Вой ветра за окнами кабины из монотонного сделался зловещим. Неясное предчувствие беды повисло в воздухе.

— Может, он где-нибудь недалеко, — тихо сказала Стеша. — Никакой не «теле», а настоящий — живой. Может, лежит сейчас в снегу и замерзает.

— Если недалеко — почему же он тогда не вернулся? Включил бы мотор, отопление и согрелся.

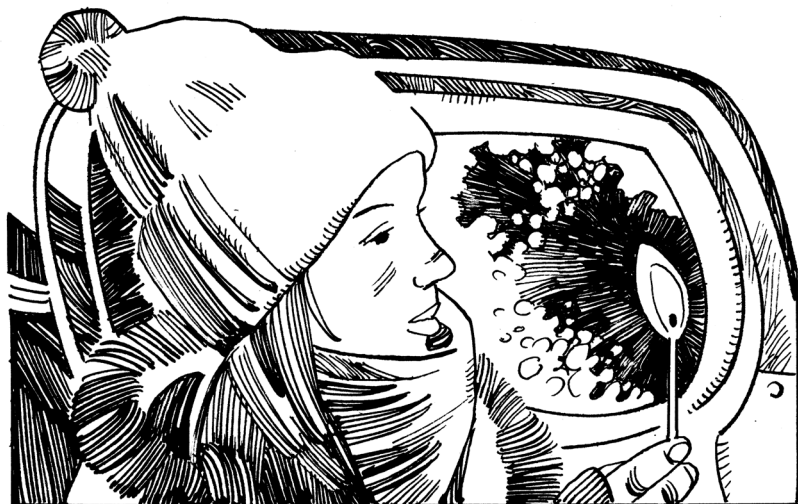
— Мало ли что могло случиться. Провалился в яму. Ногу подвернул, как Киля. Придавило упавшим деревом. Я не знаю, но может быть...

— Что?

— Может, всё-таки пойти поискать? Для очистки совести.

Никто ей не ответил.

Вылезать снова наружу — об этом и думать не хотелось. Кабина тоже успела промёрзнуть, но в ней хоть не дуло. Одно из стёкол ослабло под снежным напором и теперь отзывалось на каждый новый удар жалобным дребезжанием.

Димон наконец не выдержал — вздохнул и полез к выходу.

— Только не отходи далеко. — Стеша придержала его за полушубок. — Покричи немного и сразу возвращайся.

Казалось, она сама уже была не рада, что завела разговор про поиски.

— Ладно, — отмахнулся Димон. — Держи вот спички. Будешь зажигать их по одной. Вместо маяка.

Снежный бурун ворвался в приоткрывшуюся дверцу. Заслонившись локтем, Димон нырнул в него, как в воду, и исчез. Два раза до них слабо донёлся его голос, мелькнул луч фонаря; потом всё пропало.

Стеша чиркнула спичкой. Огонёк осветил приборы, зажмурившегося Килю, цветную картинку, наклеенную рядом со спидометром, — бегун с факелом в руке. Спичка горела, постепенно выгибая из пламени головку

на чёрной шее, и Стеша держала её, сколько хватало сил терпеть. Будто её обожжённый палец мог кому-то помочь.

– Киля, ты чего? – тихо спросил Лавруша.

– Чего?

– Сопишь как-то жалобно. Нога болит?

– Не.

– А что тогда?

– Мать жалко. Извелась, поди.

– А моя, думаешь, нет? Твоя-то хоть смелая, виду не покажет. А моя небось молиться уже начала. Если я заболею или что, она сразу – бух рядом с бабкой на колени. И крестятся, и бормочут, и лбом в пол стучат. Ужас...

Стеша успела сжечь полкоробка, прежде чем они услышали лязг дверной ручки и облепленный снегом Димон ввалился в кабину.

– Ребята... там... внизу... – Голос его дрожал от еле сдерживаемого ликования. – Только, чур, спокойно... На пол не падать... Сознания не терять...

– Ну, что?

– Говори!

– Водителя нашёл?

– Нет?

– Дорога? Шоссе?

– Да не томи!..

– Там... – Димон для пущего эффекта сделал торжественную паузу, потом вдруг надвинул Киле и Лавруше козырьки шапок на глаза и заорал во всё горло: – Там дом! Слышите – до-о-о-ом! Настоящий! Трёхэтажный! И окна!.. Светятся!

Их будто подбросило.

Даваясь в дверях и тузя друг друга, они посыпались вниз, подхватили валявшиеся лыжи и палки и двинули вслед за Димоном напрямик через снежную целину. Даже Кия забыл про боль в ноге и отталкивал протянутые руки – сам, сам! Ни жуткий вой, ни чернота, ни ветер, хлещущий по лицу, не казались больше страшными, раз поблизости была такая великая, такая прекрасная, такая обычно не замечаемая вещь – ДОМ! Человеческое жильё!

И действительно, продравшись по пояс в снегу через кусты на опушку леса, они увидели внизу ряд светящихся пятен. Пологий склон, уходивший в темноту, был вылизан ветром дочиста, зато у самой по-

дошвы намело так, что можно было провалиться по шею.

— Вплавь! Айда вплавь! — орал Лавруша, гребя по снегу руками.

— Киля, гребь брассом!

— Ой, тону!

— Сюда, ребята, здесь мелко...

— А я уже выбрался...

— И я...

— Здесь стена какая-то.

— А казалось — ещё далеко.

— Нет, это склад, наверно. Без окон.

— Дом-то вон где.

— Гляди — трёхэтажный!

— Куда это нас занесло?

— Может, Ночлегово.

— Сказал тоже. В Ночлегове и домов-то таких громадных нет.

— Эй, здесь какой-то окоп.

— Тропинка засыпанная, а не окоп.

— И дверь в конце.

— Стучи, Димон!

— Откройте, пожалуйста!

— Да она не заперта.

— Вали, ребята!

Дверь распахнулась, плеснула им в лицо ярким светом, и такие вот — полуослеплённые, полузадохнувшиеся, полузакоченевшие — они ввалились в дом, в комнату,